

Пятитомный Алтай

текст
ДМИТРИЙ
МАРЬИН

В 2012 году Алтайский край будет отмечать 75-летний юбилей своего образования. Специально к этому событию по инициативе краевой администрации приурочено издание пятитомной антологии «Алтай в русской литературе XIX–XX веков».

СЛОВО

Еще раз обратите внимание на заглавие: новый проект — вовсе не очередное переиздание хрестоматии по литературе Алтая. Кроме произведений писателей-земляков в пятитомнике будут представлены тексты известных представителей русской литературы, не связанных происхождением с Алтаем, но, тем не менее, писавших о нашем регионе. Это Вячеслав Шишков, Алексей Новиков-Прибой, Ольга Берггольц, Константин Паустовский, Иван Ефремов, Николай Рубцов, Альфред Хейдок и др. Конечно, читатель найдет в антологии и произведения писателей,

родившихся на Алтае, но чье художественное творчество развивалось за его пределами: Иван Куцевский, Георгий Гребенщиков, Михаил Бубеннов, Роберт Рождественский, Сергей Залыгин, Анатолий Соболев, Василий Шукшин, Валерий Золотухин, Максим Зверев, Иван Жданов... Не обойдены вниманием и местные литераторы, определявшие ход литературного процесса на Алтае в 1970–1980-е гг.: Евгений Гуцин, Леонид Мерзликин, Марк Юдалевич, Алек-

Фото Веры Уразовой.

сандр Родионов, Юрий Козлов, Владимир Башунов, Виктор Сидоров, Василий Попов и др. Главный критерий, по которому осуществляется отбор текстов антологии, — высокохудожественное отражение в них образа Алтая. Причем Алтай без деления на край и республику... По словам главного редактора издания, доктора филологических наук, профессора Александра Ивановича Куляпина, «основной целью издания является создание целостной картины формирования образа Алтая в отечественной культуре на протяжении XIX–XX вв., осмысление основных этапов освоения русскими писателями алтайской темы. Одна из приоритетных задач — систематизация малоизвестного материала для дальнейшего углубленного изучения литературы, посвященной Алтаю, и ее популяризации».

Еще одним существенным отличием юбилейной антологии от хрестоматии станет и то, что все тексты будут представлены только в полном виде, без сокращений. С этой целью редакторами-составителями проводится серьезная текстологическая работа: идет тщательная сверка всех вариантов текста, изучается история публикации произведения для того, чтобы сделать аргументированный выбор в пользу того или иного его варианта. Все это совсем не формальность, как может показаться на первый взгляд. Вот, например, журнальный вариант поэмы известного алтайского писателя и краеведа Александра Михайловича Родионова (начинавшего, кстати, свой путь в литературу в качестве поэта) носит заглавие «Уймонская быль». А в вышедшем одновременно с журнальной публикацией сборнике «Краснотал» (1977) она уже имеет название «Агашевна!» Более того, есть и различия в тексте поэмы. Сравним лишь отрывок из зачина:

Точно знают горы да река
Как, когда бежал издалека
От царя и от церквей мужик
В земли, где живут алтай-кижи.

Это журнальный вариант, а вот тот же отрывок по тексту сборника «Краснотал»:

Позабыли горы и река
Как, когда бежал издалека
От царя и от церквей мужик
В край, где телеуты да кичи.

Различия, согласитесь, принципиальные, носящие смысловой характер. В данном случае проблема решается довольно просто. Основной закон текстологии гласит: пока жив автор текста, он единственный и безоговорочный распорядитель его судьбы. Благо Александр Родионов жив и здоров: звонок на домашний номер известного литератора, который и делает выбор в пользу журнальной версии. А как быть с текстом романа Леонида Петровича Блюммера «На Алтае» (1871), который в постреволюционное время был опубликован лишь однажды, при этом издание осуществлялось в Новосибирске в «лихие 90-е», и во всем тираже в каждой книге непропечатано по несколько страниц? А первый, журнальный вариант найти можно только в Москве, в Ленинке. Или, например, много загадок таит творчество Альфреда Хейдона (1892–1990), ученика Николая Рериха, писателя, прожившего много лет в эмиграции в Харбине и Шанхае, а последние 10 лет жизни проведшего на Алтае, в Змеиногорске. Многие тексты его произведе-

ний до сих пор не изданы и найти их можно только в личном архиве писателя в Змеиногорске. И это — далеко не все проблемы, возникающие при научном подходе к изданию художественных произведений. Чтобы решить подобные сложности для ученых — участников проекта, организована командировка в Москву, где их ждет поисковая и исследовательская работа в библиотеках (Российская государственная библиотека, Государственная публичная историческая библиотека, Библиотека-фонд «Русское Зарубежье») и Российском государственном архиве искусства и культуры. Излишним будет говорить, что соответствующая поисковая работа уже больше года ведется в местных архивных и музейных фондах...

Все произведения, попавшие в антологию, будут снабжены комментариями, включающими историю публикации текста и примечания историко-культурного характера. Кроме того, каждое произведение будет начинаться с краткой биографической справки об авторе. Иными словами, будет сделано все, чтобы читатель (надеюсь, что это будут не только наши земляки) получил в свое распоряжение самые полные и максимально приближенные к авторскому замыслу тексты произведений об Алтае, а их чтение было предельно комфортным и, возможно, познавательным.

Кроме уже упомянутого нами главного редактора Александра Куляпина в работе над антологией принимают участие доктор филологических наук, профессор Ольга Левашова, доктор филологических наук, доцент Марина Гребнева, кандидат филологических наук, доцент Ольга Скубач и кандидат филологических наук, доцент Дмитрий Марьин. Все они — ученые Алтайского госуниверситета, все, кроме Марины Павловны Гребневой, участвовали в подготовке к изданию другого юбилейного подарка алтайским читателям — восьмитомного собрания сочинений В.М. Шукшина. Художником-оформителем и дизайнером антологии будет известный алтайский график Аркадий Казанцев, работавший над вышедшим в этом году, еще свежим и пахнущим типографской краской двухтомником Валерия Золотухина.

Пять томов антологии не только условно символизируют пять букв слова АЛТАЙ, но и представляют пять важных этапов в осмыслении образа Алтая в русской литературе.

Первый том (редактор О.Г. Левашова) посвящен отражению образа Алтая в русской литературе XIX века. В XIX веке на Алтае еще не сформировался единый литературный процесс, не было профессиональных писателей. Изучение и отображение региональной жизни осуществлялось этнографами, учеными, путешественниками, волею судеб оказавшимися на периферии империи. Поэтому ведущим жанром литературы, по преимуществу, становится художественно-этнографический очерк. В таких очерках, как правило, адресованных столичному читателю, Алтай предстает как terra incognita, а описание его ландшафта, нравов и быта населения нередко полны экзотических деталей. Не случайно именно в это время возникает и первый авантюрно-детективный (хотя и с мощной социальной линией) роман на алтайском материале — «На Алтае» (1871), принадлежащий перу ссыльного — Леонида Блюммера (1840–1888). Сосланный в Западную Сибирь за близкое знакомство со многими русскими эмигрантами, в частности с Александром Герценом и Николаем Огаревым, Блюммер на Алтае служил управляющим золотыми приисками и в своем романе воплотил тему «золотой лихорадки». «На Алтае» — первая часть ненаписанной три-

логии с характерным названием «Около золота». Алтай здесь встает в один ряд с Калифорнией и Диким Западом. На определенную вторичность романа, связь с американской литературой в выборе самой темы указывал в своей рецензии Николай Михайлович Ядринцев, негативно оценивший роман в связи с увлеченностью писателя внешней стороной жизни региона. Вошедший в этот же том очерк об Алтае самого Ядринцева, который называется «Сибирская Швейцария» (1878), местами поражает своей актуальностью, хотя и был написан 130 лет назад. Восторгаясь, например, красотой Кольванского озера, автор обращает внимание и на «туристический» аспект алтайских достопримечательностей: «К сожалению, окружающее было пустынно: здесь нет швейцарских шале, беседок, скамеек... Какой-то полуразрушенный навес около одинокой скалы сохранял след посещения местных любителей природы... Алтай отличается от настоящей Швейцарии тем, что здесь, чтобы полюбоваться прекрасным берегом реки, приходится пробираться чрез грязную скотскую стойку...». Да, что греха таить, многие туробъекты и сейчас могут похвастаться подобным непритязательным сервисом.

Также в первый том войдут произведения Ивана Афанасьевича Кушевского, Григория Николаевича Потанина, Степана Ивановича Гуляева, Александра Александровича Черкасова и Николая Ивановича Наумова.

Произведения об Алтае, включенные во второй том антологии (редактор М.П. Гребнева), охватывают период с 1900 по 1917 гг. В центре внимания здесь находятся фигуры трех выдающихся писателей, чье творчество в разные периоды жизни было связано с Алтаем: Георгий Гребенщиков, Александр Новоселов и Вячеслав Шишков. В их прозе Алтай — это та территория, на которой в первозданности сохранились и люди с их верой, нравственными ценностями, и природа. Именно в этих произведениях рождался литературный миф об Алтае-Беловодье. О зыбущем народе, который стремился сказку сделать былью, который, вопреки материальным трудностям, тянулся к земле обетованной, писал Александр Ефремович Новоселов в повести «Беловодье» (1917). По мнению героев этого произведения, где-то на Алтае, за горами и находится это желанное место. Истории заселения Южного Алтая староверами посвящен очерк Георгия Дмитриевича Гребенщикова «Алтайская Русь» (1914). «Первых засельщиков на Алтайских горах ждали тяжелые испытания. Проникнув в глухие дебри, они попали в условия первобытных людей, у которых даже огонь должен был поддерживаться изо дня в день, — не всякий имел огниво и кремь. Даже жилье не так легко было построить, хотя лесу и было много. Орудие русской культуры, топор, был большой роскошью, и его мог иметь не всякий, поэтому в первое время строили простые берлоги, покрывали их берестой и таким образом защищали себя от непогод и холода. Кто имел топор, тот не выпускал его из-за пояски и ревниво клал под сиденье, когда приходилось беседовать с соседом. Бывали убийства из-за топора. Владелец топора был более обеспеченным человеком, он скорее и лучше других обзаводился жилищем и безопаснее других чувствовал себя в скитаниях по лесам и горам». Читая эти строки очерка Гребенщикова, понимаешь, что Беловодье жило прежде всего в душах и сердцах этих людей, первопроходцев, а уж потом оно навсегда поселилось здесь, на Алтае, выстраданное, вытерпленное, вымоленное — для нас, потомков тех сильных людей.

Дополняют материал тома стихотворения барнаульских поэтов Георгия Вяткина, Петра Драверта, Порфирия Казанского, Александра Пиотровского, имена которых сейчас знакомы, пожалуй, только специалистам по региональной культуре. Стихи эти, пусть и не всегда, с точки зрения знатока высокой поэзии, идеально совершенны и в ряде случаев авторы их, может быть, излишне увлечены местным колоритом, тем не менее искренни и дышат гордостью за родной край: «И вижу я, как гордо дик, / Снегами вечными блистая, / Стоит, как вечный страж Алтая, / Белухи призрачный ледник» (Александр Пиотровский. По Алтаю. 1912).

Третий том антологии (редактор А.И. Куляпин) включает в себя произведения об Алтае, созданные в период с 1917 по 1945 гг. Алтай в «эпоху войн и революций» в силу удаленности от столиц оставался, на первый взгляд, на периферии исторического процесса. Но на развитии литературы и культуры края эта изолированность от бурных событий первой половины XX века сказывалась скорее положительно. Хотя в целом Алтаю уделялось, конечно, гораздо меньше внимания по сравнению с Уралом, Кузбассом и некоторыми другими провинциальными регионами, активно осваиваемыми в эпоху индустриализации. В период революции и в первые послереволюционные годы на Алтае в силу разных причин побывали многие видные литераторы. В числе беженцев в Барнауле оказался Вилис Лацис — будущий известный латвийский писатель. В 1918 году в Барнаул приезжает группа писателей из центра: Алексей Новиков-Прибой, Павел Низовой, Иван Вольнов, отразившие в своих рассказах и очерках впечатления от пребывания на Алтае. С 1918 по 1922 гг. в Бийске жил и работал Виталий Валентинович Бианки. Немало страниц посвятил Алтаю неоднократно приезжавший сюда в годы Великой Отечественной войны Константин Георгиевич Паустовский («Спор в вагоне», «Правая рука», «Дым отечества»). Крупнейший советский писатель-фантаст Иван Антонович Ефремов в предисловии к своему первому собранию сочинений назвал себя «сибирским геологом». Впечатления от многочисленных экспедиций в Сибирь, безусловно, стали основой его творчества. Алтай занимает особое место в художественной географии Ивана Ефремова. Не случайно появление алтайских мотивов в программных произведениях писателя — романах «Туманность Андромеды» и «Лезвие бритвы». Целиком Алтаю посвящен его рассказ «Озеро горных духов» (1944), написанный под впечатлением от творчества Григория Ивановича Чорос-Гуркина (в рассказе — Чоросова), имя которого в те годы было еще под запретом, в частности от одноименного полотна: «Картина светилась в лучах вечернего солнца своими густыми красками. Синевато-серая гладь озера, занимающего среднюю часть картины, дышит холодом и молчаливым покоем. На переднем плане, у камней на плоском берегу, где зеленый покров травы перемешивается с пятнами чистого снега, лежит ствол кедра. Мелкие льдины и большие серые камни отбрасывают на поверхность озера то зеленоватые, то серо-голубые тени. Два низких, истерзанных ветром кедра поднимают густые ветви, словно взнесенные к небу руки. На заднем плане прямо в озеро обрываются белоснежные кручи зазубренных гор со скалистыми ребрами фиолетового и палевого цветов. В центре картины ледниковый отрог опускает в озеро вал голубого фирна, а над ним на страшной высоте подни-

мается алмазная трехгранная пирамида, от которой налево вьется шарф розовых облаков. Левый край долины составляет гора в форме правильного конуса, также почти целиком одетая в снежную мантию. Только редкие палевые полосы обозначают скалистые кручи. Гора стоит на широком фундаменте, каменные ступени которого гигантской лестницей спускаются к дальнему концу озера...» Мало кто знает, что этот рассказ Ефремова хотел экранизировать Василий Макарович Шукшин...

Четвертый том (редактор О.А. Скубач) посвящен литературе об Алтае 1940–1960-х гг. Это время, когда, с одной стороны, сформировалась собственно алтайская, местная литература, появились первые профессиональные писатели (Иван Фролов, Николай Дворцов, Борис Кауров, Марк Юдалевич, Петр Бородкин, Иван Шумилов, Александр Баздырев, Георгий Егоров и др.), а с другой — благодаря эпохе целины в наш край приезжали многие ведущие советские литераторы, в чьих произведениях уделено внимание Алтаю (Александр Яшин, Михаил Светлов, Евгений Евтушенко, Ефим Пермитин, Глеб Горышин и др.). Именно в это время в «большой» литературе громко заявляют о себе наши земляки, ставшие в будущем крупными величинами отечественной словесности: Сергей Залыгин, Роберт Рождественский и, конечно, Василий Шукшин. Живя в столице, они в своем искусстве смогли воплотить образ Алтая, сохраненный в их детских воспоминаниях. Неслучайно первое крупное произведение Василия Макаровича Шукшина, к тому же вышедшее отдельным изданием, — киноповесть «Живет такой парень» (1964) обращена к алтайской тематике. Опоэтизированные Шукшиным горы и предгорья Алтая, Чуйский тракт, шоферская профессия — профессия работников тракта, и человеческий характер, которого такая природа и такая профессия требуют, — важнейшие мотивы этой ранней киноповести. «Есть на Алтае тракт — Чуйский. Красивая стремительная дорога, как след бича, стеганувшего по горам. Много всякой всячины рассказывается, поется, выдумывается о нем, все удалые молодцы, все головорезы былых лет, все легенды — все с Чуйского тракта».

Пятый том (редактор Д.В. Марьин) сформировали литературные произведения алтайской тематики 70–80-х гг. XX в. Именно этот период стал важным этапом в развитии литературы Алтая, а также и в развитии образа Алтая в отечественной литературе в целом. Произведения Василия Шукшина, Марка Юдалевича, Валерия Золотухина, Евгения Гуцина, Максима Зверева, Анатолия Соболева, Александра Родионова публикуются в центральных периодических изданиях, их книги выходят в издательствах Москвы, Новосибирска, Алма-Аты и других городов СССР. Алтайская тематика стала полноправной частью литературного пространства страны. Признаком высокого уровня развития местной литературы стало и ее жанровое разнообразие. Данный период может быть назван «золотым веком» алтайской поэзии, давшим нам великолепные стихи Владимира Башунова, Леонида Мерзликина, Геннадия Панова, Владимира Казакова и др. Активно развиваются жанры деревенской повести (Евге-

ний Гуцин, Иван Шумилов и др.), производственной прозы (Виктор Слипенчук), исторического романа и повести (Петр Бородкин, Юрий Козлов). Очень ярко представлен жанр автобиографии. В данный том включены наиболее яркие произведения жанра, в которых представлен образ Алтая: повести Валерия Золотухина «На Исток-речушку, к детству моему» (1973) и Максима Зверева «Заимка в бору» (1980). В повести Максима Дмитриевича Зверева, проведшего на Алтае детство и юность, читатель найдет

Марьин Дмитрий Владимирович родился в 1976 г. в Барнауле. В 1998 г. окончил факультет филологии и журналистики АлтГУ. С 2003 г. работает в АлтГУ. Кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и исторического языкознания.

удивительные картины ладного дореволюционного быта Барнаула, зарисовки нравов его жителей. Вот как автор описывает катания на лошадях на Масленицу: «Все три дня на главной улице Барнаула устраивались катания на лошадях. В санях, розвальнях и в кошевах жители съезжались на Пушкинскую улицу и начиная от реального училища ехали друг за другом до Оби. Там поворачивали и ехали по той же улице обратно с песнями, гармошками, звоном колокольчиков и

бубенцов под дугами и на шеях лошадей. Как на свадьбу, лошади, сбруя, дуги разукрашивались лентами и бумажными цветами. Сзади на сани набрасывались ковры. К полудню на Пушкинской улице скапливалось так много подвод, что образовывалось два потока друг другу навстречу. Вновь приезжающим из соседних улиц и переулков приходилось ждать, пока не появится перерыв в сплошном потоке, чтобы заехать и влиться в праздничное катание. У кого не было собственной лошади, нанимали извозчиков. Молодежь складывалась и нанимала ямщицкие тройки с обширными кошевами, ехали в них с песнями и даже умудрялись плясать. Каждый год в эти дни у нас тоже запрягали в санки Гнедка, а сзади саней набрасывалась плюшевая скатерть с круглого стола из комнаты отца, за которым он принимал посетителей. Я с гордостью восседал на облучке вместо кучера и правил лошадей, а концы вожжей отец все же держал в руках. Гнедко нехотя шагал, то и дело отставая от едущих впереди. Но когда от Оби поворачивали обратно, у коня лень как рукой снимало, он начинал торопиться домой. Мне приходилось изо всех сил тянуть одну вожжу, чтобы Гнедко не вышел в сторону из общего движения. Тогда он рвался вперед, наступал на сани едущего впереди и брызгал пеной на ковер и даже толкал мордой в спину едущих впереди. — Забери вожжи у мальчишки! — орали на отца из передних саней». Без преувеличения, Максим Зверев может быть назван нашим, алтайским Иваном Шмелевым...

Это лишь небольшой рассказ о том, что читатель найдет в новом издании. Пока работа над антологией не закончена. Еще многие открытия и интересные факты ждут самих составителей. Что ж, от лица научно-творческого коллектива, работающего над пятитомником, обещаем: мы постараемся сделать все, чтобы максимально полно представить (а может, и открыть) российскому читателю образ нашей малой родины — АЛТАЯ, нашедший отражение в богатом наследии отечественной литературы.